

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-220-238>

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. А. В. Жучкова
г. Москва, Россия

НОВАЯ АРХАИКА И СОВРЕМЕННАЯ МИФОПРОЗА. ПОИСК БОЛЬШОГО НАРРАТИВА

Аннотация: По мнению западных ученых, метамодернистский проект подразумевает, что на смену дискретности постмодернизма должны прийти новые большие нарративы и универсальные истины. Именно эту задачу ставит перед собой русская мифопроза 2000-х–2010-х гг. В современной русской мифопрозе ведется разработка универсальной мировоззренческой концепции, основанной на системном взаимодействии с миром, свойственном русскому национальному менталитету. Большой нарратив русская мифопроза находит в обращении к фольклорно-мифологическому описанию мира, универсальные истины — в актуализации системной связи человека, природы и высших сил. Русский фольклор — богатая почва для литературной ремифологизации, поэтому современные писатели-мифопрозаики зачастую профессиональные фольклористы. Также мифопроза обращается к истории, в разных вариациях скрещивая мир и миф и продолжая традиции модернистского неомифологизма. Благодаря русской мифопрозе, через новый большой нарратив — понимание мира как системы систем — вышедшей к построению новых взаимоотношений между человеком, природой и космосом, концепция метамодернизма получает статус полноценной культурно-философской парадигмы.

В данной статье мы рассмотрим теоретические обоснования метамодернистской концепции «новой архаики» и современной мифопрозы, определим жанровое отличие мифопрозы от магического реализма, романа-мифа и фэнтези, а также обратимся к творчеству русских мифопрозаиков и покажем, как в случае каждого конкретного автора реализуется метамодернистский концепт универсального мироустройства: практическая часть статьи базируется на анализе творчества И. Богатыревой, Д. Бобылевой, А. Бушковского, А. Рубанова, А. Григоренко, Е. Некрасовой, А. Иванова, Д. Осокина, Ш. Идиатуллина.

Ключевые слова: Мифопроза, новая архаика, природа, метамодернизм, И. Богатырева, Д. Бобылева, А. Бушковский, А. Рубанов, А. Григоренко, Е. Некрасова, А. Иванов, Д. Осокин, Ш. Идиатуллин.

Информация об авторе: Анна Владимировна Жучкова — кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, 117198 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6948-4651>

E-mail: capra@mail.ru

Дата поступления статьи: 28.01.2022

Дата одобрения рецензентами: 20.04.2023

Дата публикации: 25.12.2023

Для цитирования: Жучкова А. В. Новая архаика и современная мифопроза. Поиск большого нарратива // Вестник славянских культур. 2023. Т. 70. С. 220–238.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-220-238>

Пробуждение интереса к архаике в современной русской культуре можно отнести к 1970–1980-м гг. (исследования А.С. Ахизера), массовая же ремифологизация начинается примерно с 1991 г., совпадая с концом «короткого XX века» (Э. Хобсбаум, цит. по: [16, с. 97]). Важную роль в этом процессе сыграло «Общество философии и искусства “Новая архаика”», созданное В. Савчуком в 1989 г. «Интуиции группы <Савчука> оказались настолько значимыми, что выдержали три десятилетия <...> сегодня вновь и вновь “новоархаический” дискурс выходит на первый план в разговорах об актуальном технологическом режиме современной цивилизации» [16, с. 97].

Неоархаика — «направление, характерное только для отечественной философии» [18, с. 152], в русле которого, помимо собственно «новой архаики», теории археоавангарда, археомодерна и протеизма предложили Ф. Гиренок, А. Дугин, М. Эпштейн.

«Умонастроение начала XXI века я бы определил как «прото-» (от греч. *protos* — первый, начальный, ранний, предварительный). Прото- — это смиренное осознание того, что мы живем в самом начале неизвестной цивилизации; что мы притронулись к каким-то неведомым источникам силы, энергии, знания <...> Протеизм, как мировоззрение “начала века”, имеет много общего с авангардом начала XX века» [27].

Неоархаика — это не противопоставление Модерну Традиции, а ценностный пересмотр Модерна, осцилляция между Модерном и Традицией и движение вперед. В рамках метамодернистской концепции речь идет не об «или — или», а о «и — и»; «не о традиционалистском откате в историю <...> а скорее, о том, что некоторые исторически глубинные бессознательные структуры оказались вытолкнуты на поверхность актуального бытия» [16, с. 96]. Ведь метамодернизм — это не только глубина аффекта, но и поиск новых больших нарративов и универсальных истин. «...Философия вступает в новый период — период метамодернизма <...> В сущности, это возрождение мифа — поскольку масштабность, нарратив, глубина и метафизический смысл снова становятся актуальными» [5]. «Метамодернизм — это парадигма <...> где все — от человека до самых сложных экологических и микроскопических систем — взаимосвязано» [7].

Мир системен — и важно понимать его устройство. Об этом еще в 1970-е гг. писал Г. Бейтсон: «С одной стороны, мы имеем системную природу индивидуального человеческого существа, системную природу культуры, в которой он живет, системную природу биологической и экологической системы вокруг него; с другой — мы имеем этот курьезный вывих в системной природе индивидуального человека, из-за которого сознание почти по необходимости слепо к системной природе самого человека <...> Если вы следуете диктату сознательного “здорового смысла”, вы становитесь жадным и немудрым <...> системы наказывают те виды, которые настолько немудры, что начинают враждовать со своей экологией. Если хотите, можете назвать системные силы “Богом”» [1].

Бейтсон констатирует основную проблему западной цивилизации — целенаправленное сознание, лишенное петли обратной связи. И он же предлагает решение — смирение, то есть умение жить в гармонии с-миром: «...существует смирение. Я предлагаю»

гаю его <...> как термин научной философии <...> человек — только часть большей системы, а часть никогда не может контролировать целое» [1].

На идее системного взаимодействия строится и концепция метамодернизма. Но западные теоретики метамодерна, сформулировав принцип системности как базовый, пока не знают, как именно его реализовать: «В сверхсложном сердце бытия лежит система, которая проявляется через человеческих существ, их деятельность, развитие и культуру. Метамодернисты нащупывают и исследуют направленности растущей сверхсложной, самосознающей и самоорганизующейся, взаимосвязанной реальности» [26]. Вместе с тем с-мирение и системность — базовая мировоззренческая парадигма славянского (русского) мира. Об этом — Пушкин и Достоевский, Соловьев и русские религиозные философы. И раз мы говорим о системном взаимодействии человека с миром, то без восстановления взаимоотношений человека и природы не обойтись. Постмодернизм был временем «устранения природы»: «Постмодернизм — то, что вы получаете, когда <...> с природой наконец-то покончено» [6, с. 58]. Метамодернизм восстанавливает системную связь с ней: «“Я” <...> неотъемлемая часть природы, сложного организма — социального и природного, — за существование и благополучие которого оно чувствует себя ответственным» [7].

Как говорил в нобелевской речи П. Хандке в 2019 г., «природа — это единственное, что я могу вам обещать, и это единственное надежное обещание» [28].

Мысль об уникальной роли России в восстановлении системных связей развивает и современная философия: «В природной среде России заложен огромный философский смысл нового бытия <...> Новая стратегия цивилизационного развития может строиться на понимании того, что законы функционирования биосферы — первичны, политико-правовые нормы — вторичны, то есть природа есть мера всех вещей (а не человек, как следует из доминирующей сегодня суперидеологии)» [23].

Современная русская мифопроза, обращаясь к фольклорно-мифологическому наследию, выстраивает целостную картину мира на основе понимания его системного характера и гармоничного *взаимодействия с природой*. «Славяне сохранили у себя мифологический культ матери-земли <...> мифология земли и мистика почвы — одна из черт русского самосознания» [24, с. 28]. Таким образом концепция «новой архаики» и мифопроза достраивают теорию метамодерна до полноценной философско-мировоззренческой программы.

Некоторые писатели считают, что мифопроза заменяет сложные природные взаимодействия сказочкой — дедушкой лесовичком, водяным, домовым и проч. Так И. Кочергин упрекает мифопрозаиков в том, что они разбавляют реализм чертовщиной, драму подкрашивают мистикой, от чего она становится похожа на выдумку, и не изучают природу. «Мифические персонажи слишком визуализированы, слишком конкретны, словно прошли обработку для использования в комиксах или кино. А жизнь и природа при этом по-прежнему остаются далекими для читателя, живущими по непонятным законам» [17].

Однако это не так, мифопроза работает иначе. И в мифе, и в мифопрозе действуют не конкретные «персонажи», а персонифицированные отражения природных сил и явлений.

Так, можно удивиться странному обряду похорон Костромы в начале лета у наших предков-славян, похорон Ярилы, Купалы, березки: «Накануне семика девушки рубят березку, украшают ее лентами, вместе с парнями, которые несут березку, ходят с нею по полю, распевая песни, и потом бросают ее в рожь» [19]. Дело тут не в ритуаль-

ном убийстве девушки или березки, а в том, что такой обряд метафорически отражает смену одного природного цикла — другим. В весенних обрядах березка играет одну из ключевых ролей. Но когда период весеннего обновления и роста должен смениться периодом созревания, березку надо похоронить, а приход нового периода — приветствовать. Этимологически слово «Кострома» связано со словами, обозначающими «мохнатую верхушку трав», «метлицу», «бородку колосьев» [19]. Так что эту весеннюю «богиню» сжигали тогда, когда травы переходили от цветения к созреванию, сжигали для того, чтобы обозначить переход от одного периода к другому. «...Внесение обряженного дерева из леса на поле и в жилище представляло собой попытку использовать растительную силу дерева в земледельческих целях и передать ее от деревьев земле и злакам» [19]. Функцией календарных обрядов Пропп считает организацию циркуляции сил от объектов, в максимальной степени наделенных ими в тот или иной момент времени, к объектам, в возрастании силы которых заинтересованы организаторы ритуала [19].

Так что уровень понимания мира у наших предков был высок. «Те религии, которые, именуется примитивными в плане их первоначальности, это религии очень и очень сложные, и мы не можем сказать, что далее идет процесс их структурного усложнения» [15]. И мифопрозаиков не стоит считать наивными людьми, высматривающими Лешего за пенечком. Мы же не считаем, что в православии есть группа разных Богородиц, даже если каждая поза в изображении Богородицы называется по-своему: Оранта, Одигитрия, Елеуса, Панахранта, Агиосоритисса... Так и славянские «божества» не какие-то отдельные существа. Мифологическая система древних славян основана на взаимодействии с природными/космическими силами. Все в фольклоре связано с годовым природным циклом и циклом человеческой жизни. Все основано на общении и взаимодействии с разными силами и энергиями, и оттого дает возможность увидеть мир целостным, организованным как система систем.

Нынешняя волна ремифологизации повторяет (усиливая) ремифологизацию рубежа XIX–XX вв., ибо метамодернизм актуализирует тенденции модернизма. Но сегодня ремифологизация имеет более впечатляющие масштабы, и если Вл. Соловьев писал, что «искусство <...> должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь» [22], то сегодня творчество «создает саму реальность» [18, с. 157]; «новым языком, выразившимся в литературе, в политике и в повседневной жизни, новая мифологическая реальность производит сама себя» [25].

Мифопроза продолжает работу, которую в XX веке вели магический реализм, фэнтези, роман-миф, но является самостоятельным художественным явлением.

Чем мифопроза отличается от авторского романа-мифа?

Тем, что не представляет герметичную авторскую вселенную, апеллирующую к тому или иному мифу, а показывает современную действительность такой, как она есть, и объясняет ее и на языке рации, и на языке мифа одновременно. Мифопроза не уходит от реального мира, но дает более сложное его прочтение. Ибо мир оказался не так прост, чтобы его можно было объяснить в системе координат логоцентризма и рационализма, и вследствие кризиса европейской аксиологии литература интегрировала мифологические представления в реалистическую картину: «человеческое мышление всегда обращается к мифам, когда противостоит новым ситуациям, не находящим иного объяснения» [24, с. 3].

Чем мифопроза отличается от фэнтези?

Фэнтези, как жанр массовой литературы, держится на формуле, которая включает два обязательных элемента: 1) создание альтернативного мира, противостоящего

нашему прежде всего тем, что в нем сохраняются нравственные принципы и есть надежда восстановить баланс добра и зла; 2) путь героя, который имеет ряд четких этапов и в основе которого лежит путь кельтского героя к Граалю (волшебный зов, оставление привычного уклада жизни, путь «туда — не знаю — куда», переход в иной мир, одиночество, битва с самим собой, обретение Грааля: смерть и перерождение). Здесь много общего с путем героя русских волшебных сказок. В мифопрозе же, в отличие от фэнтези, нет двоемирия: мифологические структуры пронизывают и описывают нашу реальность, а не альтернативную. И так как мифопроза не относится к формульной литературе, у каждого автора-мифопрозаика индивидуальные способы соединения мира и мифа.

Чем мифопроза отличается от магического реализма?

Магический реализм — термин, в первую очередь связанный с послевоенной латиноамериканской литературой, «преломляющей изображение жизни сквозь призм мирознания индейцев или негров, во многом сохранивших свои особенные пантеистические представления о мире» [8]. Однако понятие «магический реализм» разошлось достаточно широко как в территориальном, так и в хронологическом отношении, что позволяет сегодня относить к этому направлению как творчество художников и писателей немецкого постэкспрессионизма начала XX в., так и произведения русских писателей XX–XXI вв. в. А. Платонова, М. Булгакова, О. Славниковой и др. Магический реализм заменяет рационально-детерминистское объяснение реальности законами потустороннего, магического мира (то есть апеллирует к двоемирию), а мифопроза, как уже было сказано, не работает с двоемирием, а включает «магические» законы в объяснение действительности на равных с рациональными. То есть там, где магический реализм *подменяет* детерминизм магичностью, мифопроза *расширяет* детерминизм до принятия неочевидных системных связей. Во-вторых, «произведение магического реализма обладает характерными чертами, которые *лишь в совокупности* достигают особого качества, позволяющего выделить тексты магических реалистов из массы во многом сходных произведений» [4, с. 106]. А. Гугнин выделяет таковых четыре: а) специфическое использование категории времени — с целью раскрытия его субъективности и относительности; б) отказ от детерминированно-психологического принципа изображения человеческого сообщества, стремление изобразить функционирование этого сообщества на уровне мифического сознания; в) показ сосуществования и взаимопроникновения двух реальностей: «низшей», первичной, вроде бы очевидной, но не доподлинной, и «высшей», доподлинной, на уровне которой теряют всякий смысл и значение стереотипы поведения, пригодные для жизни в обманно очевидной реальности; г) «магическое пространство» произведения, хотя и может быть вполне конкретно очерченным, не совпадает полностью с каким-либо реальным географическим и историческим пространством, поскольку пространство магического реализма не подчиняется общепринятым формам детерминизма, а живет по своим — магическим — законам, которые, однако, не имеют ничего общего с иррациональной мистикой» [4, с. 106]. Для мифопрозы эти характеристики не то что не свойственны в совокупности, — они не работают в ней даже по отдельности: в произведениях мифопрозы нет высшей и низшей реальности, а есть один мир, который включает и те явления, которые ранее исключались из поля «реального». Мифопроза не отказывается от детерминизма ради магичности, а включает магичность в спектр причинно-следственных связей.

Итак, можно выделить следующие черты мифопрозы:

1) реактуализация мифологической картины мира, реконструкция фольклорно-обрядовой образности;

- 2 вера в фундаментальную целесообразность, поиск глубинных оснований бытия;
- 3 описание мира как системной целостности;
- 4 воссоздание системных связей человека и природы; восприятие природы как универсальной системы.

Так как мифопроза — явление не массовой (жанровой), а высокой литературы, то каждый автор разрабатывает собственный вариант работы с мифом. Однако наши исследования [9–14] позволяют выделить несколько стратегий в современной мифопрозе: 1) мифопроза с опорой на фольклористику, 2) мифопроза с опорой на историю, 3) жанрово-экспериментальный метод, 4) неомифологизм, 5) гибридизация мифопрозы и фэнтези.

Мифопроза и фольклористика: Ирина Богатырева, Дарья Бобылева

Художественная задача **И. Богатыревой** — вписать современность в систему природных закономерностей бытия. В ее произведениях обретение героем целостности всегда приходится на эпизоды единения с природой. А коллизия строится на том, что если идти навстречу себе, то сквозь хмарь будней однажды блеснет светом истины и красоты горное озеро или звездное небо. И окажется, что одиночество — иллюзия, а человеческое «я» равно Вселенной.

Богатырева не стремится отразить национальную мифологию или встроить героя в готовый миф. Тип мифологизма, с которым она работает, это воссоздание глубинных мифосинкретических структур, обращение к мифологическим универсалиям (лес, вода, горы, дом, любовь, музыка) и использование мифологем и фольклорно-поэтических образов разных культур: от Рода и Даждя до Пана и Феба, от праздника Купалы до легенды об утке, сотворившей мир, и бело-синего Тенгри. «Эти элементы — формулы человеческого существования, так сказать, его образный генофонд» [2].

«Белая согра» (2020)

В деревнях архангельской области, откуда пришла к нам «Белая согра», из достижений цивилизации только телефон и холодильник. Остальное не нужно. Зато надо знать, как говорить с коровой и пчелами. Как общаться с Хозяином Леса, если вдруг скотина потеряется. Фольклор в книге живой, основанный на материале фольклорных экспедиций. Баушки, героини романа Богатыревой, живут привычным и ограниченным, раз навсегда заведенным ходом. Знают, что от хворей спасает баня. Что река снимает беспокойство. Что травина помогает найти пропажу. Знают, что им нужно для жизни, тем и живут.

Девочка Женя, московский подросток, отданная на лето в деревню, из виртуального мира смартфонов, интернет-общения и одинокого блуждания по городским заброшкам проваливается в мир деревянных изб и слякоти, сосен и мха, свежего хлеба и парного молока. Теряется среди духов мертвых и нежитей. Но чем глубже проваливается, тем больше — находится. Заблудившись на три дня в лесу, Женя впервые остается сама с собой и с реальным миром один на один. Там, в согре, оставляет она свое расщепленное сознание. И выходит к людям другой.

Начинает учиться радости простых вещей. Улыбаться. Петь. Узнает, что, доверившись реке, можно почувствовать, как тебя держит мир, обнимая и покачивая, как в колыбели. Женя обретает то базовое доверие к миру, о котором постоянно говорят

психологи. Оказывается, его можно восполнить. Не заикленностью на травме детства, а лесом, водой и землей.

Но кроме фольклора, психологии и философии в романе Ирины Богатыревой есть и социальный мотив, вернее, лейтмотив. Это лесовозы, один за другим идущие через деревню, тоннами вывозящие убитый лес. Каждый день.

Ползут, ползут в гору груженные лесовозы. Натужно кряхтят, стараются. Пыль от них столбом. Жу отворачивается, натягивает ворот рубахи, дышит в него или не дышит вовсе, когда накрывает пылью с головой. Лесовоз наползает, лесовоз проползает. Скрылся лесовоз. Пыль оседает долго [29].

Вот такая метафора. Дышать вместе с лесом и Землей. Или не дышать, оставшись без леса, без парков, деревьев и травы. Решать надо сейчас.

«Ведяна» (2020) — роман-идиллия, рисующий человека во взаимосвязи с природой и мирозданием. Герой «Ведяны» возвращается из Америки в родной Итильск, потому что итилиты всегда возвращаются на родную землю. «Итилиты» — художественный конструкт, воплощающий архаические представления вообще. Роман Судьбин (роман с судьбой?), герой романа, — конструкт современного человека вообще. У него нет четкого портрета и характера. Основную гамму психологических переживаний автор отдает... природе: от горя темнеет небо и бушует ураган, отчаяние испытывают брошенные звери, смеется и ликует небольшая речка, а большая спокойно несет свои воды. В лесу Роман чувствует счастье, которое передано через шум листьев, запах нагретой коры, солнечный свет. Роман хорошо знает древние итилитские обряды и песни и, главное, прежний уклад жизни, он стремится связать архаику и современность с помощью музыки, которую сам создает.

«Ведяна» — это сказка нового времени о взаимной любви человека и природы, главный герой которой Иржик (или Иван-дурак) разговаривает со зверями и птицами, слышит говор реки, мелодию земли — и после многих испытаний женится на Златовласке (или Марье-Моревне, или Ведяне). «Ведяна» сообщает нам, что наступает новый период истории человечества: и языческий, и христианский одновременно, который позволит установить новые отношения с природой. Так, взрослый человек по-иному начинает относиться к родителям: возвращается доверие, пробуждается чувство благодарности и потребность заботиться о них.

Проза Богатыревой отражает современный мир как целостное духовно-материальное единство, но это именно наш мир, существующий здесь и сейчас, а не какая-то другая реальность.

Дарья Бобылева видит свою художественную задачу в эстетическом симбиозе «реализма» и хоррора. Жанру хоррора у нее соответствуют фольклорные персонажи. Они приобретают современный облик, живут и действуют среди нас, но сохраняют мифологическую функциональность. Но то, что для предков было обычной практикой, нынешних горожан пугает. Ужасом неизвестного и полны тексты Бобылевой: недаром за роман «Вьюрки» она получила премию «Мастера ужасов».

Бобылева — дипломатический представитель потусторонних существ в нашем мире, репортер с мест прорывов реальности. Она описывает не монстров своего подполья, как С. Кинг, а параллельный мир, который всегда рядом, и с которым мы имеем дело в славянском фольклоре. «Это все мое родное, это где-то в глубине...»: каждый живущий в России хотя бы краешком сознания тоже верит в «соседей» — леших, русалок, кикимор и домовых. Каждый, как герои Бобылевой, «балансирует на грани веры

и здравого смысла, и нет-нет — да и заглянет в трещину, на которой издавна тут все стояло» [28].

Мифологическая «потусторонность» совмещается у Бобылевой с социально-психологическим методом. Это порождает новый формат романа — с мифологической тематикой и нравственной проблематикой. Бобылева рисует наш, современный мир, но при этом его законы выходят за пределы обыденной логики. Это магическая мощь, древняя сказка, совмещенная с обжитой повседневностью и усиленная зовом природы: «Тут везде кто-нибудь да живет, — Катя широко развела руками. — В реке, в лесу, в домах. Мы тут с самого начала не одни...» [28]

Чтобы жить с соседями в мире, их «обязательно приветствовать надо, чтобы беду не навлечь» [28]. Дарья Бобылева пытается восстановить обрыв коммуникации, рассказывая о том, кто есть кто в мире «соседей» и по каким правилам они живут.

Мифопроза и история: Александр Бушковский, Алексей Иванов

Александр Бушковский работает с двумя типами мифологизма: 1) обращение к мифологическим универсалиям: рождение, дом, очаг, вода, огонь, горы, детство, любовь, молодость, старость, болезнь, смерть и т. д.; 2) обращение к внутренней жизни человека, в которой живо мифологическое сознание, и отражение этой внутренней жизни во внешнем мире — в его истории и современности.

В романе «Рымба» (2018) на общемифологических образах построена переключка с повестью В. Распутина «Прощание с Матерой»: особое дерево, дух — хозяин острова, стихия воды, стихия женственности и проч. «Рымба» переключается с «Прощанием с Матерой» Распутина не тематически, как «Зона затопления» Р. Сенчина, а художественно: одна маленькая деревня как символ огромной русской жизни (деревня Рымба на острове Рымба), мистические мотивы, сказовая манера речи. Но Распутин со Матерой прощается, а Рымба Бушковского не умирает, живет. У Распутина преемственность поколений воплощает Листвень, который ни сжечь, ни срубить, у Бушковского — Церковь, которая горит, но воскресает. Распутин написал историю угасания деревни, Бушковский — миф о русском человеке на русской земле от начала веков до наших дней.

Местонахождение Рымбы по суровым природным условиям вычисляется как Русский Север, но экзотики «северной» литературы здесь нет. Жизнь Рымбы — это жизнь любого русского селения, хоть в древности, хоть сейчас. Предоставленная сама себе, Рымба дружит с соседями, чтит лесных духов и христианских святых, возделывает землю, ловит рыбу, соблюдает законы природы и человеческого бытия. К делу рымбари относятся с уважением, к людям — с заботой. Но внешний мир не оставляет Рымбу в покое: «Так уж в наших краях повелось, что как ни лодья, то новость, что ни новость, то худая. Без новостей живем — ржаной хлеб жуем, а привезут новостей — добавляй в муку костей» [30]. Так же неизменно, как солнце по утрам и весна после зимы, приходят в жизнь Рымбы и настоящие беды: на жизнь каждого поколения приходится то война, то великая стройка, то еще какое государственное слово и дело. И напрягает деревня жилы не на шутку: «Уж и бабы сохой пашут, и мальцы за бороной ходят, старики-старухи сено косят, ворошат, в стога мечут. Все одно не справляются. Без мужика не родит земля, зарастают поля, голод подступает. И налоги платить время поджимает. А еще ведь рыбачить кому-то надо! Солить-вялить рыбу на зиму. И пушнину на подать ловить!» [30]

У Распутина связь прошлого и будущего держала старуха Дарья. Бушковский считает, что ответственность лежит на мужчине. Мужчина один на один выходит на борьбу с со стихией, в лес или в море. Преодолевает бурю, пожар, голод, войну. Слепой, обожженный химической атакой, солдат наощупь принимает роды, так как больше некому. Другой, пропадая в снегах, ведет с собой женщину с тремя детьми. В мирной жизни промысел для мужчины тоже вызов, борьба: «Митя летом сено косит, картошку окучивает, осенью грибы-ягоды, зимой лес пилит и рыбачит сетным промыслом. Со всеми в округе договорился, отцовские места застолбил. Дядя Волдырь рыбачить помогает, сети охраняет. Из отцовского карабина однажды с берега вора лодку прострелил, голову у мотора отколол, больше никто не зарится» [30].

Еще отличает настоящего мужчину мастерство. Срубить избу, построить церковь, изготовить сети, управляться с мотором — и все это обстоятельно и любовно. Отношения с государством — тоже дело мужчин. Век за веком рымбари покорно отправляются на войну, но не потому, что боятся наказания, а потому что знают — так надо. Если не пойдешь на войну, война придет в твой дом. Это дело тоже включено в мужской жизненный цикл:

Суета и волнения попусту мужчине ни к чему. Хотя все исторические переломы так или иначе отражаются на Рымбе, ее мужчины сохраняют степенность и здравый смысл:

Мужчины хранят память рода. От деда к внуку передается история Рымбы. Женщины тоже передают знания от бабушки к внучке, но это знания другого порядка. Женщина общается напрямую с энергией жизни, природой и духами, это разговор крови и чувств. Мужчина же хранит внешнюю структуру мира. Строит дом, ставит крест, формирует пространство.

Настоящий мужчина любит искренне и верно, даже если ждать приходится много лет. В любви он рождает детей или не рождает, но и тогда находит выход творческой энергии в каком-либо деле, нужном людям. Потому что предназначение мужчины — творить. Об этом же пишет Андрей Рубанов: «В течение жизни мы должны сделать рывок, качественный скачок. Из одного мира в другой мир. Оттуда — сюда. От бедности к сытости, от убожества к изобилию, от угрюмства к веселью. В этом рывке и заключается наш смысл жизни. Он в том, чтоб своим детям оставить новый мир, качественно лучший» [34].

Алексей Иванов — хронологически первый автор современной мифопрозы. Его произведения удивляют мощью и энергией художественного полотна, но при этом — слабостью внутренней конструкции. Подпадая под обаяние фактуры, ищешь соразмерной ей онтологии, но находишь лишь незавершенность мировоззренческой системы. По сути Иванов постоянно ищет порядка, гармонии, но никогда не находит. Для подросткового сознания его героев мир непознаваем и потому враждебен, и объяснить эту враждебность автор считает возможным только вмешательством Рока. Мудрость, которую Иванов не решается доверить персонажам-людям, он вкладывает в образы природы. Природа у Иванова говорит яснее и мудрее, чем люди. Энергия и воля поколений сосредоточена в реках, которые, как артерии, питают тело России, делясь информацией о законах бытия с теми, кто готов их услышать. Магией и вечно юными чудесами полны древние земли, леса и камни, открываясь тем, кто готов их увидеть. Мужчины живут по триста лет ради выполнения тайной миссии, а женщины, родные сестры Лилит, крадут у них силу, губя попутно и душу. В строй жизни включены шаманы и колдуньи-ламии. Романтическим рефреном проходит мольба жены-ламии

через весь текст «Сердца пармы»: «Не ходи за камень, Михан!» (И такие мистические рефрены по многу раз повторяются во всех книгах Иванова.)

Мифопроза — жанровый поиск: Александр Григоренко, Андрей Рубанов

Красноярский писатель **Александр Григоренко** работает преимущественно с северным мифом. Исторически славянские племена долго жили рядом со скифами: Алтай, Байкал, Крым, бубны, духи, блуждающие между мирами... Но даже отходя от шаманизма в историческом романе «Ильгет» и в реалистической повести «Потерял слепой дуду», Григоренко все равно описывает мифологизированную реальность, в которой все неслучайно, в которой есть баланс добра и зла, и равновесие мира зависит от выбора человека.

Григоренко наиболее полно из всех мифопрозаиков использует возможности мифологизации (все шесть из предложенных в классификации). У него есть произведения как целиком построенные на мифе, где автор использует архаические мифологические сюжеты и мифологических героев («Мэбэт»), так и более реалистические («Потерял слепой дуду»), но все равно воссоздающие глубинные мифосинкретические структуры мышления и обращающиеся к внутренней жизни человека, в которой живо мифологическое сознание (коллективное бессознательное).

Литературным экспериментатором можно также считать **Андрея Рубанова**. Он создает и автофикшн, и мифопрозу, но последнюю считает наиболее перспективным на сегодняшний день направлением. Рубанов изучает шаманизм, увлекается ремесленничеством: сделал своими руками кольчугу, шлем, сшил кожаные штаны и доспехи. В прозе совмещает приемы массовой и проблематику высокой литературы.

Начинал Рубанов с автофикшна: «Сажайте и вырастет», «Великая мечта», «Жизнь удалась», «Йод», «Готовься к войне», «Психодел», «Стыдные подвиги» и вполне вписывался в «пацанский» «новый реализм» [33, с. 34]. Но в романе 2017 г. «Патриот» он похоронил своего автопсихологического героя и через два года после «Патриота» выпустил совершенно неожиданный роман **«Финист — ясный сокол»** (2019), где главная героиня — женщина.

«Финист» очень огорчает книжных обозревателей неопределимостью жанра — не фэнтези, не сказка, не постмодернистский взгляд, но в то же время и сказка, и мифопроза, и прямое авторское высказывание. Новый конструктивный принцип Рубанова, предложенный в «Финисте», — победа достоверного над недостоверным, где недостоверным объявляется устоявшийся, стереотипный взгляд на мир, а достоверным — динамика внутреннего изменения и роста (кому-то, возможно, кажущаяся магией).

Рубанов берет за основу романа известную сказку «Финист — Ясный Сокол», но при всей архаичности и фантастичности сюжета его герои ощущаются как наши современники. Все дело в языке. Несмотря на то, что части романа называются «сказками», язык романа многим критикам и читателям напомнил смесь современной лексики и блатного сленга 1990-х гг. «Финист — это о том, как диджей, спецназовец и опальный мент помогли бедной девушке выйти замуж за сына олигарха» [3, с. 205].

Но в целом, эта книга — о женщине: прекрасной и сильной, нежной и мужественной, приносящей в мир магию и любовь.

В феврале 2021 г. вышел следующий, теперь уже по-настоящему мифопрозаический, роман Рубанова **«Человек из красного дерева»**, действующие лица которого — деревянные языческие идола.

Автор сталкивает в романе оживших представителей двух религий — славянского язычества и христианства. Некоторые идолы, с приходом христианства переделанные в святых, возвращают при оживлении свою изначальную сущность. Так антагонистами в сюжетной коллизии выступают Мокошь (в ипостасях Живы и Мары) и святой Николай Можайский: он и она в виде оживших скульптур. Николай — единственный из деревянных людей, кто до сих пор действует в храме, потому он и главный среди своих: «молча придвинул к себе стул и сел, расстегнув пиджак; спереди из-за поясного ремня у него торчала рукоять пистолета. Мне показалось, что он не только не желал спрятать оружие, но и выставил его напоказ», дух его «был огромен и горяч» [35].

Мифопроза и неомифологизм: Евгения Некрасова, Денис Осокин

Некоторые писатели-мифопрозаики продолжают литературную традицию русского модернизма, актуализируя художественный неомифологизм начала XX в. Они не ориентируются на национальный миф, а переплавляют общемифологические представления так, как требует того их авторская установка. Родство с исходным мифологическим или фольклорным материалом в их текстах выражено достаточно слабо. Вместо этого, используя и трансформируя отдельные мифологемы или смысловые структуры мифа, они создают собственную мифовселенную, соединенную с современностью, прорастающую сквозь нее, переплавляющую научное сознание в магически-мифологическое.

Таковыми творцами собственного мифа являются Е. Некрасова и Д. Осокин. Они ориентируются в большей степени на мифопэтику модернизма, чем на оригинальный фольклор и мифологию. Отсюда и схожая с неомифологическими экспериментами начала XX в. проблематика, которую А. Белый определил, как «попытку найти в глубочайших переживаниях современных индивидуалистов связь с мифотворчеством народа» [20, с. 86]. Акцент здесь скорее на переживаниях индивида, а фольклорно-мифологические представления выступают больше в качестве орнамента, нежели мировоззренческой схемы. Исследователи находят много общего между Некрасовой и А. Ремизовым, Осокиным и Вс. Ивановым. Так, Е. Сафронова (как и А. Белый), отмечает эгоцентризм: «Здесь мы не видим разговора с душой народа, потому что вся душа народа сводится к описанию психологии одного человека, причем сам по себе он не представитель древнего знания, а просто во что-то играет. И потому для меня этот текст весьма эгоцентричен» [21]. Сказанное в большей мере характеризует прозу Осокина и раннюю прозу Некрасовой, так как в текстах, следующих за «Калечиной-Малечиной» (оммаж Ремизову), Некрасова начинает меньше играть в фольклорную орнаментальность и больше жить мифом, стихией природы и женскости, переходя к симбиозу мифопрозы и женского письма.

Евгения Некрасова скрещивает мифопэтику с социальной проблематикой. В ее представлении за движение «зла» в мире отвечает человек, хотя оно и встроено в систему координат: именно человек различает добро и зло в соответствии со своей системой ценностей и приоритетов. Язык Некрасовой — это язык быличек и заговоров, повторов и причитаний. В ее поэтическом мире все взаимосвязано: живое сопрягается с неживым, неживое — с живым.

В книге «Калечина-Малечина» (2018) Некрасова показывает жестокую действительность человеческого сосуществования, близкую по накалу (и даже именам героев) повести В. Железникова «Чучело». Вот только если Лена Бессольцева и ее бабушка

побеждают «злые силы» социума, проявляющиеся через детей, высотой собственного духа, то в книге Некрасовой на помощь девочке Кате, страдающей от травли в школе и нелюбви дома, приходят злые силы потустороннего мира. Чем больше неустроенности в семье Кати, тем больше вредит людям кикимора, живущая за плитой: то грязную посуду на обеденный стол башней выставит, то с трудом связанные Катей варежки расплетет. И вот, когда Катя решает покончить с собой, кикимора ее спасает — и начинает «помогать»: мстя обидчикам, калеча и убивая их.

«Сестромам» (2019) — сборник ранних текстов писательницы, в него вошли рассказы и зарисовки, созданные до «Калечины-Малечины». Эта книга — поиск стиля, полигон форматов. В поиске новой выразительности писательница идет путем проб и ошибок: «глазные яблоки налились густым изумрудным цветом», «природа сделала глаз столь похожим на лоно».

Но не ошибается тот, кто не ищет нового. А космогонический миф Некрасовой в этом сборнике только складывается, на что указывают и постоянные эпитеты, как в фольклоре: если девица, то красная, если молодец, то добрый, зелена трава, сине море, а также повторы (и в структуре произведения, и в лексике): белым-бело, молодозелено. Именно такой стиль и создает измерение сказки, и тогда текст раскрывается в сказочность и реализм одновременно.

В сборнике «Домовая любовь» (2021) мифологическая стихия становится еще очевиднее: мужской, бетонный мир типовых многоэтажек окутывает зеленый лес. Плавные, потоковые формы смягчают жесткие границы. Женственность, магия, могучая сила земли приходят в современный мир и делают его справедливее и краше.

Тексты Некрасовой словно прорастают сквозь боль и злость социальной несправедливости, давая надежду на то, что все можно изменить: быть более чутким, сильным и уверенным в своей... природе.

В финале книги героиня сажает в землю рог лося, чтобы вырастить из него мужчину (сына, отца), то есть ту силу, которая необходима нашему миру наравне с силой женственности. Ибо бетонный мир однотипных коробок и геометрических форм не позволяет людям быть самими собой. Некрасова возвращает в мир городов стихию жизни, стряхивает морок симулякров и заново пишет древний договор человека и природы, мужчины и женщины: «Я верю в магическое сознание. Никакого другого выхода нет, кроме чуда». Ее книги — это тексты о одухотворенности природы в отличие от плодов цивилизации.

Денис Осокин с мифами не церемонится, перекраивая их по собственному усмотрению. Получается атмосферно и утешительно: будто из осколочков большого мифа маленький человек слаживает личную мини-вселенную.

Как и все мифопрозаики, Осокин сопрягает мир и миф, но делает это весьма специфически, началом и концом всякого мифа утверждая себя, свою литературную личность и свой маленький человеческий мир. Как отмечает В. Пустовая, «...это личный стиль, личные ассоциации и личная поэтическая магия» [21].

Ранние тексты Осокина, например «Овсянки», были интересным экспериментом, поскольку дорогу жизни писатель показывал через обряды мерян: «через клетку, через овсянок я смотрел на дорогу», птицы в фольклоре — символ иномирья. Но и обряды, и сами меряне у Осокина — художественная условность, миф придуманный, ненастоящий: «вода — сама жизнь. и утонуть — значит в ней задохнуться: одновременно от радости нежности и тоски. <...> мы не верим в жизнь после смерти. И только утонувшие продолжают жить — в воде и вблизи от берега» [32].

Но чем дальше читаешь Осокина, тем больше условность мифа вызывает недоверие. Осокин не фольклорист, он не работает с живым образом мира, а постмодернистски конструирует нечто похожее на миф: «Здесь есть элементы бытовой жизни, но нет достоверности <...> это чистый конструкт» [21]

Герой рассказа «Ветлуга» покупает в аптеке сушеные травы, чтобы пить травяной чай, и любовно описывает их: каждая трава имеет свой вид, свой запах, свое изображение на аптечной коробочке. Мог бы герой пить чай с травой вообще, без имени, запаха и вкуса? Нет, конечно. Это было бы сено. Так же не работает и «миф вообще». Это пустое место, симулякр: «Ничего этот путь не открывает: тем более единение с травами из пакетика, а не с травами из Сибири» [21].

Мифопроза и фэнтези: Шамиль Идиатуллин

Самый известный мифопрозаический роман Шамиля Идиатуллина — «Убыр». В нем Идиатуллин обращается к татарскому фольклору, однако все его образы, мифологемы и символы понятны и узнаваемы, функции персонажей и мифологем те же. Древняя жуть попадает в город, родители из деревни возвращаются упырями... А потом и дети отправляются в эту деревню, в лес, попадают к Бабе Яге — не доброй и не злой, а знающей древние законы... В «Убыре» много символов, мифологем, суть которых в том, что они каждый раз «цепляют» душу и ум человека, не дают пройти мимо, не сделав выбор. Потому отчасти «Убыр» — это и *young adult*, и история о пути героя, подобная фэнтези.

Но все же, в первую очередь, это мифопроза, которая работает с мифологемами как с ключевыми этическими концептами. А вот роман «Последнее время» (2020) балансирует на грани опустошения универсальных мифологем. Писатель подошел к той черте обескровливания мифа, лишения его национального колорита, за которой начинается пустыня голых логических схем, но все же не перешел ее. Это опасный эксперимент, но не так трудно понять, зачем он ему понадобился. Тема романа — конец эоны, а это проблема общая для всего человечества.

Эсхатологические настроения — частое явление в литературе. Но такого масштабного «конца» еще не было. Не век закончился, а «длительность времени» — эон. В романе «Последнее время» земля отказывается держать племена людей: начинается великое переселение и война всех со всеми, ломка старого, постижение нового.

Но конец одного — начало другого. В древнерусском языке слово «конец» имело значение «граница», «рубеж»: что-то кончается и что-то начинается.

Роман Идиатуллина «Последнее время» состоялся не как приключенческий квест, а как пророчество: вода станет горькой, земля перестанет рожать, лес — защищать, грянет великое переселение. Но спасет всех тот, кто вспомнит себя и изначальную правду: жизнь и язык своих предков.

Это и есть задача современной мифопрозы — показать, что человек пробуждается, начинает осознавать себя в контексте системной связи с природой и мирозданием. И начинает новый эон.

Список литературы

Исследования

- 1 Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / пер. Д.Я. Федотова, М.П. Папуша. М.: Смысл, 2000. 476 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=124273&p=1> (дата обращения: 20. 02.2021).

- 2 *Богатырева И.* Мифология и современная литература. Опыт творческого преломления // Творческое чтение в системе литературного образования. 27–28 марта 2014 г. URL: <http://www.i-bog.ru/mifologiya-i-sovremennaya-literatura-opyt-tvorcheskogo-prelomleniya> (дата обращения: 20. 02.2021).
- 3 *Богатырева И.* Сказка в поисках исторических корней // Новый Мир. 2019. № 7. С. 203–207.
- 4 *Гугнин А. А.* Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. М.: Научный центр славяно-германский исследований ИСл РАН, 1998. 117 с.
- 5 *Демпси Б.* Реконструкция: метамодернистская «трансцендентность» и возвращение мифа / пер. А. Буланова // *Метамодерн: журнал о метамодернизме*. 19.12.2015 URL: <https://metamodernizm.ru/reconstruction/> (дата обращения: 20.02.2021).
- 6 *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 799 с.
- 7 *Думитреску А.* Что такое метамодернизм и зачем беспокоиться? Размышления о метамодернизме как термине периода и модусе / пер. М. Барановой, А. Зубова, М. Елистратовой // *Electronic book review*. 04.12.2016 URL: <http://electronicbookreview.com/essay/what-is-metamodernism-and-why-bother-meditations-on-metamodernism-as-a-period-term-and-as-a-mode/> (дата обращения: 20.02.2021).
- 8 *Жаринов Е. В.* Магический реализм // Литературный клуб @ам себе писатель. http://samopiska.ru/main_dsp.php?top_id=1608 (дата обращения: 22.02.2018).
- 9 *Жучкова А. В.* «Это все мое родное...» // Урал. 2018. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2018/4/eto-vsyo-moe-rodnoe.html> (дата обращения: 28.01.2022).
- 10 *Жучкова А. В.* Богатырская проза И. Богатыревой. Эkleктика жанра // *Вестник славянских культур*. 2018. № 50. С. 216–228.
- 11 *Жучкова А. В.* Кто держит небо? Роман А. Бушковского «Рымба» // *Вопросы литературы*. 2020. № 1. С. 150–159. URL: <https://voplit.ru/article/kto-derzhit-nebo-roman-a-bushkovskogo-rymba/> (дата обращения: 28.01.2022).
- 12 *Жучкова А. В.* Медведица пера. Алексей Иванов // *Знамя*. 2017. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2017/7/medvedicza-pera-aleksej-ivanov.html> (дата обращения: 28.01.2022).
- 13 *Жучкова А.* Конец зона / Бахрома // *Год литературы*. 15.09.2020. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2020/09/15/bakhroma-knigi-o-kotorykh-vy-ne-slyshali-3> (дата обращения: 20.02.2022).
- 14 *Жучкова А.* Об особых и особенных людях // *Бахрома* // *Год литературы*. 15.01.2021. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2021/01/15/bahroma-knigi-o-kotorykh-vy-ne-slyshali-ianvar> (дата обращения: 20. 02.2021).
- 15 *Золотухин В. В.* Философия: расширенный курс. НИУ ВШЭ // *Открытое образование*. URL: https://apps.openedu.ru/learning/course/course-v1:hse+PHIL+fall_2020/home (дата обращения: 20.02.2022).
- 16 *Кириллов А. А.* «Новая архаика»: доверие времени // *Философские исследования*. 2019. Т. 8. № 2 (16). С. 94–101.
- 17 *Кочергин И.* Живые голоса на жанровой поляне. О романе Ирины Богатыревой «Согра» // *Текстура*. 26.05.2020. URL: <https://textura.club/zhivye-golosa/> (дата обращения: 20.02.2022).
- 18 *Недугова И. А.* Архаизация в культуре: рассмотрение феномена // *Философия и культура*. 2012. № 9. С. 151–159.

- 19 *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. Л.: Изд-во Ленинградского государственного ун-та, 1963. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/propp-russkie-agrarnye-prazdniki/index.htm> (дата обращения: 28.01.2022).
- 20 *Розанов Ю. В.* Алексей Ремизов и фольклор: от зырянского мифа к «Посолони» // Русский Миръ: пространство и время русской культуры / под ред. Д.А. Ивашинцова. СПб: Алетейя, 2008. № 9. С. 81–98.
- 21 *Сафронова Е., Пустовая В., Хлебников М.* и др. Секс, бутылка, трава. О магии в рассказе Дениса Осокина «Ветлуга» // Литература. 20.08.2020. URL: <https://litteratura.org/criticism/3970-laboratoriya-ks-seks-butyilka-trava-o-magii-v-rasskaze-denisa-osokina-vetluga.html> (дата обращения: 28.01.2022)
- 22 *Соловьев В. С.* Общий смысл искусства. М.: Современник, 1991. URL: <https://ilibrary.ru/text/16/p.1/index.html> (дата обращения: 20.02.2021).
- 23 *Старцев А. А., Соколов А. М.* Глобальная конфронтация: Россия в современном мире // Конфликтология. 2016. № 3. С. 92–107.
- 24 *Телегин С. М.* Восстание мифа. М.: Век, 1997. 192 с.
- 25 *Телегин С. М.* Литература и мифологическая революция. Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publ., 2011. 592 с. <https://shkolnie.ru/filosofiya/154670/index.html> (дата обращения: 28.01.2022).
- 26 *Фрейнахт Х.* Вы не метамодернист, пока не поймете это. Изменение Игры / пер. В. Сербинская // Metamodern. Журнал о метамодернизме. 16.07.2017 <https://metamodernizm.ru/you-are-not-metamodern-part-1/> (дата обращения: 28.01.2022).
- 27 *Эпштейн М.* De'but de siecle, или От пост- к прото-. Манифест нового века // Знамя. 2001. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2001/5/de-but-de-siesle-ili-ot-post-k-proto-manifest-novogo-veka.html> (дата обращения: 20.02.2021).

Источники

- 28 *Бобылева Д.* Вьюрки. М.: АСТ, 2019. 416 с. URL: <https://libcat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/uzhasy-i-mistika/420400-darya-bobyleva-vyurki-litres.html> (дата обращения: 24.12.2023).
- 29 *Богатырева И.* Белая согра. М: Эксмо, 2020. 288 с. URL: <https://libcat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/fentezi/396714-irina-bogatyreva-belaya-sogra-litres.html> (дата обращения: 24.12.2023).
- 30 *Бушковский А.* Рымба. М.: РЕШ, 2019. 352 с. URL: <https://knigolit.com/books/3513596-rymba/read> (дата обращения: 24.12.2023).
- 31 *Некрасова Е.* «Хочу создать сообщество по защите мифических существ». Беседовала П. Бояркина // Прочтение. 11.01.2022. URL: <https://prochtenie.org/texts/30797> (дата обращения: 24.12.2023).
- 32 *Осокин Д.* (Аист Сергеев). Овсянки // Октябрь. 2018. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2008/10/ovsyanki.html> (дата обращения: 24.12.2023).
- 33 *Пустовая В.* Родины дым // Пустовая В. Великая легкость. Очерки культурного наследия. М.: РИПОЛ классик, 2015. С. 80–100.
- 34 *Рубанов А.* Жестко и угрюмо. М.: РЕШ, 2019. 320 с. URL: https://sharlib.com/read_366997-1 (дата обращения: 24.12.2023).
- 35 *Рубанов А.* Человек из красного дерева. М.: РЕШ, 2021. 512 с. URL: <https://readnow.me/k/chelovek-iz-krasnogo-dereva-rubanov#tx> (дата обращения: 24.12.2023).
- 36 *Хандке П.* Вечный мир возможен: нобелевская речь Петера Хандке // Горький. 21.12.2019. URL: <https://gorky.media/context/vechnyj-mir-vozmozhennobelevskaya-rech-petera-handke/> (дата обращения: 20.02.2021).

© 2023. Anna V. Zhuchkova
Moscow, Russia

**THE “NEW ARCHAIC” AND MODERN MYTHOPROSE.
THE SEARCH FOR A GRAND NARRATIVE**

Abstract: The developers of metamodernism argue that it will bring new grand narratives and universal concepts to replace the discreteness and fragmentation of postmodernism. This is precisely the task that Russian mythoprose of the 2000–2010s sets itself. Contemporary Russian mythoprose is developing a universal worldview concept. It refers to the systemic interaction with the world and the world as a system of systems. This understanding is peculiar to the Russian national mentality. Modern Russian mythoprose finds a new grand narrative in the appeal to folklore-mythological description of the world. And it reveals universal truths in the actualization of the systemic connection of man, nature and higher powers. Russian folklore comes to be the right ground for literary remythologization, so that mythoprosaic writers are often professional folklorists. Mythoprose also addresses the history, crossing the world and myth and continuing the traditions of modernist neo-mythologism. The new grand narrative of modern Russian mythoprose is the understanding of the world as a system of systems. Through this grand narrative Russian mythoprose comes to the construction of new relationships between man, nature and the cosmos with the concept of metamodernism receiving the status of a full-fledged cultural and philosophical paradigm.

The present paper examines the theory of the metamodernist concept of “new archaic” and modern mythoprose, determines the genre difference between mythoprose and magic realism, novel-myth and fantasy as well as highlights the work of Russian mythoprose writers. Addressing the works of I. Bogatyreva, D. Bobyleva, A. Bushkovsky, A. Rubanov, A. Grigorenko, E. Nekrasova, A. Ivanov, D. Osokin, Sh. Idiatullin we trace how the metamodernist concept of universal world order is realized.

Keywords: Mythoprose, New Archaic, Nature, Metamodernism, I. Bogatyreva, D. Bobyleva, A. Bushkovsky, A. Rubanov, A. Grigorenko, E. Nekrasova, A. Ivanov, D. Osokin, Sh. Idiatullin.

Information about the author: Anna V. Zhuchkova — PhD in Philology, Associate Professor, Peoples’ Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St. 6, 117198 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6948-4651>

E-mail: capra@mail.ru

Received: January 28, 2022

Approved after reviewing: April 20, 2023

Date of publication: December 25, 2023

For citation: Zhuchkova, A. V. “The ‘New Archaic’ and Modern Mythoprose. The Search for a Grand Narrative.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 70, 2023, pp. 220–238. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-220-238>

References

- 1 Beitson, G. *Ekologiiia razuma: Izbrannye stat'i po antropologii, psikiatrii i epistemologii* [*Ecology of Mind: Selected Articles on Anthropology, Psychiatry and Epistemology*], trans. D. Ia. Fedotova, M. P. Papusha. Moscow, Smysl Publ., 2000. 476 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=124273&p=1> (Accessed 20 February 2021). (In Russ.)
- 2 Bogatyreva, I. “Mifologiiia i sovremennaia literatura. Opyt tvorcheskogo prelomleniia” [“Mythology and Modern Literature. Experience of Creative Refraction”]. *Tvorcheskoe chtenie v sisteme literaturnogo obrazovaniia. 27–28 marta 2014 g.* [*Creative Reading Within the System of Literary Education. March 27–28, 2014*]. Available at: <http://www.i-bog.ru/mifologiya-i-sovremennaya-literatura-opyt-tvorcheskogo-prelomleniya> (Accessed 20 February 2021). (In Russ.)
- 3 Bogatyreva, I. “Skazka v poiskakh istoricheskikh kornei” [“Fairy Tale in Search of Historical Roots”]. *Novyi Mir*, no. 7, 2019, pp. 203–207. (In Russ.)
- 4 Gugnin, A. A. *Magicheskii realizm v kontekste literatury i iskusstva XX veka: fenomen i nekotorye puti ego osmysleniia* [*Magical Realism in the Context of literature and Art of the 20 Century: Phenomenon and some Ways of its Comprehension*]. Moscow, Scientific Center for Slavic-German Studies of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 1998. 117 p. (In Russ.)
- 5 Dempsey, B. “Rekonstruktsiia: metamodernistskaia “trantsendentnost” i vozvrashchenie mifa” [“Reconstruction: Metamodernist ‘Transcendence’ and Return of the Myth”], trans. A. Bulanova. *Metamodern: zhurnal o metamodernizma*. December 19, 2015. Available at: <https://metamodernizm.ru/reconstruction/> (Accessed 20 February 2021). (In Russ.)
- 6 Dzheimison, F. *Postmodernizm, ili Kul'turnaia logika pozdnego kapitalizma* [*Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*], trans. from English by D. Krachkina. Moscow, The Gaidar Institute, 2019. 799 p. (In Russ.)
- 7 Dumitrescu, A. “Chto takoe metamodernizm i zachem bespokoit'sia? Razmyshleniia o metamodernizme kak termine perioda i moduse” [“What is Metamodernism and why bother? Reflections on Metamodernism as a Period’s Term and Modus”], trans. M. Baranovoi, A. Zubova, M. Elistratovoi. *Electronic book review*. December 04, 2016. Available at: <http://electronicbookreview.com/essay/what-is-metamodernism-and-why-bother-meditations-on-metamodernism-as-a-period-term-and-as-a-mode/> (Accessed 20 February 2021). (In Russ.)
- 8 Zharinov, E. V. “Magicheskii realizm” [“Magical Realism”]. *Literaturnyi klub @ am sebe pisatel'* [*Literary club One’s own writer*]. Available at: http://samopiska.ru/main_dsp.php?top_id=1608 ((Accessed 20 February 2021). (In Russ.)
- 9 Zhuchkova, A. V. “Eto vse moe rodnoe...” [“This is all my Native...”]. *Ural*, no. 4, 2018. Available at: <https://magazines.gorky.media/ural/2018/4/eto-vsyo-moe-rodnoe.html> (Accessed 20 February 2021). (In Russ.)
- 10 Zhuchkova, A. V. “Bogatyr'skaia proza I. Bogatyrevoi. Eklektika zhanra” [“Bogatyr’s Prose of I. Bogatyreva. Eclecticism of the Genre”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, no. 50, 2018, pp. 216–228. (In Russ.)
- 11 Zhuchkova, A. V. “Kto derzhit nebo? Roman A. Bushkovskogo ‘Rymba’” [“Who Holds the Sky? A. Bushkovsky’s Novel ‘Rymba’”]. *Voprosy literatury*, no. 1, 2020, pp. 150–159. Available at: <https://voplit.ru/article/kto-derzhit-nebo-roman-a-bushkovskogo-rymba/> (Accessed 28 January 2022). (In Russ.)

- 12 Zhuchkova, A. V. "Medveditsa pera. Aleksei Ivanov" ["The Bear of the Pen. Alexei Ivanov"]. *Znamia*, no. 7, 2017. Available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/2017/7/medvedicza-pera-aleksej-ivanov.html> (Accessed 28 January 2022). (In Russ.)
- 13 Zhuchkova, A. "Konets eona" ["The End of the Aeon"], Bakhroma [Fringe]. *God literatury* [Year of Literature]. September 15, 2020. Available at: <https://godliteratury.ru/articles/2020/09/15/bakhroma-knigi-o-kotorykh-vy-ne-slyshali-> (Accessed 20 February 2022). (In Russ.)
- 14 Zhuchkova, A. "Ob osobykh i osobennykh liudiakh" ["About Special and Special People"]. Bakhroma [Fringe]. *God literatury* [Year of Literature]. January 15, 2021. Available at: <https://godliteratury.ru/articles/2021/01/15/bakhroma-knigi-o-kotorykh-vy-ne-slyshali-ianvar> (Accessed 20 February 2022). (In Russ.)
- 15 Zolotukhin, V. V. "Filosofia: rasshirenyi kurs. NIU VShE" ["Philosophy: An Extended Course. National Research University Higher School of Economics"]. *Otkrytoe obrazovanie*. Available at: https://apps.openedu.ru/learning/course/course-v1:hse+PHIL+fall_2020/home (Accessed 20 February 2022). (In Russ.)
- 16 Kirillov, A. A. "Novaia arkhaika": doverie vremeni ["New Archaic": the rust of Time]. *Filosofskie issledovaniia*, vol. 8, no. 2 (16), 2019, pp. 94–101. (In Russ.)
- 17 Kochergin I. "Zhivye golosa na zhanrovoi poliane. O romane Iriny Bogatyrevoi 'Sogra'" ["Living Voices on the Genre Glade. About Irina Bogatyryova's Novel 'Sogra'"]. *Tekstura*. May 26, 2020. Available at: <https://textura.club/zhivye-golosa/> (Accessed 20 February 2022). (In Russ.)
- 18 Nedugova, I. A. "Arkhaizatsiia v kul'ture: rassmotrenie fenomena" ["Archaization in Culture: Consideration of the Phenomenon"]. *Filosofia i kul'tura*, no. 9, 2012, pp. 151–159. (In Russ.)
- 19 Propp, V. Ia. *Russkie agrarnye prazdniki* [Russian Agrarian Holidays]. Leningrad, Leningrad State University, 1963. Available at: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/propp-russkie-agrarnye-prazdniki/index.htm> (Accessed 28 January 2022). (In Russ.)
- 20 Rozanov, Iu. V. "Aleksei Remizov i fol'klor: ot zyrianskogo mifa k 'Posoloni'" ["Alexei Remizov and Folklore: from the Zyryan Myth to 'Posolon'"]. *Russkii Mir": prostranstvo i vremia russkoi kul'tury* [Russian Mir: Space and Time of Russian Culture], ed. by D.A. Ivashintsova, no. 9. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2008, pp. 81–98. (In Russ.)
- 21 Safronova, E., Pustovaia, V., Khlebnikov, M. i dr. "Seks, butylka, trava. O magii v rasskaze Denisa Osokina 'Vetluga'" ["Sex, Bottle, Grass. About Magic in Denis Osokin's Story 'Vetluga'"]. *Literratura*. August 20, 2020. Available at: <https://litteratura.org/criticism/3970-laboratoriya-ks-seks-butylka-trava-o-magii-v-rasskaze-denisa-osokina-vetluga.html> (Accessed 28 January 2022). (In Russ.)
- 22 Solov'ev, V. S. *Obshchii smysl iskusstva* [The Common Sense of Art]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991. Available at: <https://ilibrary.ru/text/16/p.1/index.html> (Accessed 20 February 2021). (In Russ.)
- 23 Startsev, A. A., Sokolov A. M. "Global'naia konfrontatsiia: Rossiia v sovremennom mire" ["Global Confrontation: Russia in the Modern World"]. *Konfliktologiya*, no. 3, 2016, pp. 92–107. (In Russ.)
- 24 Telegin, S. M. *Vosstanie mifa* [Uprising of the Myth]. Moscow, Vek. Publ., 1997. 192 p. (In Russ.)

- 25 Telegin, S. M. *Literatura i mifologicheskaja revoliutsiia* [*Literature and the Mythological Revolution*]. Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publ., 2011. 592 p. Available at: <https://shkolnie.ru/filosofiya/154670/index.html> (Accessed 28 January 2022). (In Russ.)
- 26 Freinakht, Kh. “Vy ne metamodernist, poka ne poimete eto. Izmenenie Igry” [“You are not a Metamodernist Until you Realize it. Changing the Game”], trans. V. Serbinskaia. *Metamodern. Zhurnal o metamodernizme*. July 16, 2017 Available at: <https://metamodernizm.ru/you-are-not-metamodern-part-1/> (Accessed 28 January 2022). (In Russ.)
- 27 Epshtein, M. “De’but de siecle, ili Ot post- k proto-. Manifest novogo veka” [“De’but de Siecle, or From Post- to Proto-. Manifesto of the New Century”]. *Znamia*, no. 5, 2001. Available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/2001/5/de-but-de-siesle-ili-ot-post-k-proto-manifest-novogo-veka.html> (Accessed 28 February 2021). (In Russ.)